

**Светлана
НЕМОЛЯЕВА:**

СЛЕЗЫ У МЕНЯ БЛИЗКО

Вс. Москва — 2002 — 18 апр — с. 6

РАСПОЛОЖЕНЫ

Когда я попросила у Светланы Немоляевой фото для «юбилейного» интервью (17 апреля у нее день рождения), она стала предлагать мне семейные снимки, приговаривая: «Ну это же хорошо, когда вместе, правда? Так же лучше?» А когда мы сидели в ее гримборной и разговаривали, туда заглянул Александр Лазарев, муж актрисы. Лишь для того, чтобы спросить: «Ты себя хорошо чувствуешь?»

жизнь в театре тоже не была безоблачной. Нельзя же просто так взять и состояться! Я до сих пор, например, все время боюсь, что мне не дадут роль...

— Вы зависите от чужого мнения?

— Я завишу от мнения человека, который для меня авторитетен. Я вся в его власти. Гончаров, например, хвалил редко, слова «хорошо» я от него практически не слышала. Но ни аплодисменты, ни цветы не имели такого значения, как его молчаливое одобрение. Если же он фырчал, я могла успокаивать себя чем угодно, но в глубине души это все равно была драма. Потому что я знала: он прав.

— Бывает так, что вы засыпаете с вопросом, а просыпаетесь с ответом?

— Бывает, что меня весь день терзает какая-то проблема, а наутро она уходит, я успокаиваюсь. Я вообще человек отходчивый, в отца. Папа мог позвонить через час после ссоры и сказать: «Что-то я не помню, из-за чего мы поругались...» Шура (Александр Лазарев-мл., актер «Ленкома». — Л. Е.), сын, такой же точно.

— В книге о вашем всплывшем семействе есть слова вашего коллеги Игоря Костолевского: «Когда репетируют Саша со Светой, это отдельный спектакль!»

— Просто мы с Сашей постоянно ссоримся на репетициях, лезем друг к другу с советами и все нелепые вещи тут же друг другу сообщаем. Причем в такой форме, которая нам в данный момент, на накале страстей, удобна. А что нам друг друга стесняться? Кто еще скажет правду, если не близкий человек?

— Вы умеете оставлять работу за дверью, когда возвращаетесь домой?

— Это совсем несложно. Конечно, у каждого из нас были спектакли, после которых трудно прийти в себя. Например, «Трамвай «Желание». Помню, как во время репетиции Гончаров кричал мне из зала: «У вас такой роли никогда в жизни больше не будет!» И был совершенно прав: это одна из сложнейших ролей мирового репертуара. После Бланш Дюбуа мне уже ничего не страшно!

— И все же, наверное, волнуетесь перед премьерой?

— Когда я перестану волноваться, у меня будет... не то чтобы мертвая душа, но что-то вроде этого.

— А в кино волнуетесь?

— В кино по-другому. Я плохо вижу, поэтому боюсь, что не смогу войти в кадр так, как поставил оператор, попасть в свет, сделать нужный ракурс. Это в основном технические моменты. Вообще же в кино есть некая сиюминутность.

— Зато результат остается на долгие годы!

— Это верно. Но в театре актер находится в ситуации, когда за несколько часов надо прожить целую жизнь, от начала и до конца. Даже если роль эпизодическая, в ней есть логика поведения. А в кино, как известно, сначала могут снять финал, а потом уже разбираться с остальным.

— Это правда, что Эльдар Рязанов хотел вас снимать в «Иронии судьбы»?

— Рязанов пришел к нам в театр с пьесой «Родственники», и ему понравилось, как я в ней сыграла. А у него как раз готов был сценарий, и он предложил мне роль героини. Андрюша Мягков, бедный, прошел со мной не меньше восьми проб. Причем он с каждым разом становился все лучше, а я робела, была совершенно беспомощной... Чего со мной только не делали! То брюнеткой делали, то блондинкой, то надевали очки, то снимали очки. А линз еще не было, и я ничего не видела. В общем, невезуха чудовищная! И Рязанов тогда мне сказал: «Можно хуже, но трудно».

А потом он принес сценарий «Служебного романа». Помню, я дочитала его ночью, тут же разбудила Сашку и спрашиваю: «Как ты думаешь, после моего фиаско возьмет меня Рязанов в такой чудесный фильм?» — «Да не возьмет он тебя никуда, спи спокойно!» — утешил меня Лазарев. Но оказалось, что Эльдар Александрович не собирается никого пробовать, а будет снимать меня. Это было счастье! На пробах я бы опять зажалась, и ничего бы опять не вышло.

— Не любите пробоваться?

— Ненавижу. А кто, скажите мне, любит сдавать экзамены?

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Светлана Владимировна, я знаю, что вы с Александром Лазаревым пришли в Театр Маяковского в один день и в один час. История, говорят, почти мистическая.

— После института меня никуда не брали. И однажды позвонил однокурсник и попросил подыграть ему отрывок из «Укрощения строптивой». А я, надо сказать, была девочкой пухленькой, кругломордочкой и пискливой, к Катарине никакого отношения не имеющей. Но мальчик, худенький и вертлявый, тоже не тянул на сексуального мужчину, каким должен быть Петруччо. Мы жутко всех развеселили, но главреж Маяковский Николай Охлопков почему-то заинтересовался мной и Сашей Лазаревым, который точно так же пришел подыграть своей сокурснице. Сокурсница, кстати, пролетела вместе с моим мальчиком. А мы оказались в театре и через полгода поженились.

— Вы совершенно не похожи на себя в юности. Если посмотреть на Ольгу в фильме-опере «Евгений Онегин» — совершенно другой человек.

— Когда я заканчивала институт, Виктор Коршунов, начинающий педагог (теперь директор Малого театра), сказал: «Светлана, ты могла бы играть роли классического репертуара. Но выглядишь ты так, что ничего, кроме Фросек с трудностями, не получишь. С этим надо что-то делать». Поэтому я решила за себя взяться и прежде всего похудела. И действительно стала получать другие роли.

— Среди них множество женщин несостоявшихся, несчастливых. А вы — актриса одного из лучших театров, у вас множество замечательных ролей в кино, знаменитый и верный муж, талантливый сын. Одним словом, вы полностью состоялись. Откуда же вы черпаете информацию о том, чего как будто бы не знаете?

— Я по природе своей человек чувствительный. У меня слезы, что называется, близко расположены. Мне нетрудно играть такие роли, тем более, что любая женская ситуация для другой женщины не составляет тайны. И вы не совсем правы насчет меня. Не бывает людей с абсолютно благополучной судьбой, и наша (моя и Сашина)

«Ну это же хорошо, когда вместе, правда?»

— Вы смотрите фильмы со своим участием?

— Естественно, я все их видела. Есть картина, которую я несколько раз смотрела от начала до конца. Это «Евгений Онегин». Она лет пятнадцать пролежала на полке и однажды, когда я была на съемках в Одессе, ее показали. Помню, как я сидела перед телевизором и плакала. Просто потому, что мы такие молодые, что все еще впереди...

— Может, вы потому и попали в театр, что «экзамен» сдавал ваш партнер, а вы пришли вроде как за «компанию»?

— Конечно, в душе я все равно на что-то надеялась. Но при этом точно знала, что мной никто не интересуется и что нечего даже переживать по этому поводу. Но судьба распорядилась именно так. А тот мальчик, как часто в жизни бывает, остался за бортом.